

О СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ НОРМАЛЬНОСТИ

Хомич Владимир Михайлович

*доктор юридических наук, профессор, заведующий
информационно-методическим кабинетом, государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления законности
и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,
ул. Захарова, 76, 220088 Минск, Республика Беларусь, ul.khomich@tut.by*

Аннотация. С позиции последовательной интеграции верховенства права в систему уголовно-правового контроля преступности автором предпринята попытка социально-правового осмысления происходящих и необходимых изменений в содержательно-функциональных свойствах современного уголовного права – преступления, уголовной ответственности и вины как базовых социальных конструкций упрека и неизбежности уголовной ответственности за преступление. В условиях глобализации и социальных трансформаций происходит расширение социального поля безответственного поведения как человека, так и применения уголовного закона. Тем не менее, уголовное право не следует употреблять в качестве основного инструментария в противодействии преступности. В своей основе оно является насильственным, а поэтому, и небезопасным для человека, общества и самого государства, особенно когда доминирующими факторами ответственности и виновности становятся не обычные и понятные общие интересы людей, а нечто другое.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, уголовная ответственность, вина, субъективное вменение, уголовно-правовой контроль преступности, легитимация уголовного закона.

ON SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE CRIMINAL LAW IN THE CONTEXT OF CHANGING SOCIAL NORMALITY

Uladzimir Khomich

*Doctor of Law, Professor, Head of the Information and Methodological Office,
Scientific and Practical Center for Strengthening the Rule of Law and the Rule
of Law of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus,
76 Zaharova Ave., 220030 Minsk, Republic of Belarus, ul.khomich@tut.by*

Abstract. From the point of view of the consistent integration of the rule of law into the system of criminal law control of crime, the author attempts to make a socio-legal understanding of the ongoing and necessary changes in the content and functional properties of modern criminal law-crime, criminal responsibility and guilt, as the basic social structures of reproach and the inevitability of criminal

responsibility. In the context of globalization and social transformations, the social field of irresponsible behavior of a person and the application of criminal law are expanding. However, criminal law should not be compared as the main tool in combating crime. At its core, it is violent and therefore unsafe for the individual, society and the state itself, especially when the dominant factors of responsibility and guilt are not the usual and understandable common interests of people, but something else.

Keywords: criminal law, crime, criminal responsibility, guilt, subjective imputation, criminal legal control of crime, legitimization of criminal law

Уголовное право в эпоху бурных социальных потрясений вопреки его возможностям становится, к сожалению, стержневой социокультурной ценностью, своего рода социальным хранилищем человека и человечества от угроз само- и взаимоуничтожения. Отсюда государство сегодня, как никогда прежде, проявляют *непомерный интерес* к уголовному праву и к его правовому инструментарию «воспитания» социальной (общегражданской) ответственности человека (граждан) и человечества. Хорошо, если этот интерес обусловлен желанием разобраться, какие исторически изменчивые человеческие и общественные пороки сфокусированы и должны фокусироваться в уголовном праве, что обычно называется стремлением к преступлению и наказанию, и с *одновременным наличием желания* избавляться от этих пороков, включая наказание. В этом-то и суть, и сложность в оценке современных манипуляций и противоречий в уголовном праве и уголовной политике эпохи постмодерна, современниками которых мы являемся. Исхожу, все-таки, из того, что желание человечества избавляться от стремления к преступлению и наказанию непреодолимо. Этот процесс бесконечен и должен и будет продолжаться на основе формирования рациональных потребностей человека в ответственной свободе, в ответственно сбалансированном равенстве, взаимной ответственности управляемых и управляющих. Иного пути стабилизации общечеловеческого правопорядка и отвечающего ему уровня социально ответственного поведения сограждан нет и быть не может.

Процесс формирования уголовного права и адекватной правовой коммуникации ответственности и вины как ее субъективного основания в системе уголовной юстиции (определение понятия преступного, как и субъективное общесоциальное обоснование ответственности и ее пределов за преступление) никогда не был простым и социально безболезненным, и абсолютно справедливым в истории человеческого сообщества. На рубеже XX и XXI веков, несмотря на несомненные достижения общечеловеческого прогресса, появились новые факторы экономического и социокультурного характера, побуждающие к отно-

сительной трансформации понимания преступления и истоков воспроизводства современной преступности, и изменившие ее социальную, видовую и системную архитектуру, а соответственно и систему уголовно-правового реагирования на «новую и старую» преступность. Как будто незаметно ушла в прошлое социально-классовая природа преступления, но также незаметно появилось нечто иное в социальной конструкции преступления и наказания, не менее подрывающее нравственные, правовые и правосудные основы применения уголовного права. В государственных и межгосударственных системах обеспечения безопасности наблюдаются дезинтеграционные процессы, обусловленные разрушением прежнего, пусть и формального равенства, обесцениванием человеческого достоинства, дефицитом политико-правовой свободы как социальных ценностей, посредством которых должно обеспечиваться воспроизводство *действительного* права в официальных законоположениях о понятии преступления и наказания. На фоне международной интеграции социальных конфликтов и преступности (пьянство, наркомания, суицид, экстремизм, терроризм, преступность средств массовой коммуникации, преступность киберпространства и т. д.) имманентно *повышается и пропагандируется* роль институтов публичной власти (государства) в обеспечении национальной безопасности. И разрешается эта задача, главным образом, посредством расширения социального поля применения уголовного права, более того, введения и применения мер безопасности вне правовых и охранных гарантий уголовного закона [1, с. 15–78; 2, с. 34–40]. Нивелируется субъективное (индивидуальное) состояние вины и субъективного вменения посредством криминализации в качестве самостоятельных преступлений предварительных форм преступной деятельности, мотивированных необходимостью усиления профилактической функции уголовного закона, равно как и путем криминализации организованных форм совместной преступной деятельности (соучастия) в качестве самостоятельных преступных деяний. Такого рода криминализация осуществляется не на принципе исключительной общественной опасности, а на принципах введения мер безопасности (право безопасности). Эту ситуацию (тенденцию) известный советский и российский криминолог Д. А. Шестаков обозначил как наступление на международном и на внутригосударственном уровнях *права безопасности на право уголовное*. По его мнению, мера безопасности в контексте права безопасности – это причинение чрезвычайного вреда (лишение жизни, здоровья, свободы, разрушение имущества), не основанное на установленном судом совершении преступления, но решающее задачу устранения угрозы, нависшей над государствами (государством), обществом либо над от-

дельными людьми. Не все эти меры являются строго правовыми, даже если они покоятся на законе [3, с. 142]. Оценочный фокус понятия преступного и ответственности за преступления на объективном и субъективном уровнях смещается с понятных человеку интересов обеспечения безопасности его свободного и справедливого сосуществования на публично культивируемые интересы национальной безопасности. Как справедливо заметил В. Н. Щедрин: «Всюду видим ограничения прав и свобод, и все они якобы ради нашей защиты. Слово «безопасность» употребляется избыточно часто, но самого ощущения безопасности почему-то нет. Очень уж заметно смещение вектора со стратегии на тактику, с защиты гуманитарных на защиту потребительских ценностей, с охраны конституционных положений на охрану интересов власть имущих» [4, с. 411]. В лексикон уголовного права вместо хорошо известных понятий преступление и лжепреступление вводится понятие «противоправное преступление», которое охватывает широкий спектр деяний, связанных с протестным движением. Характеризуя современную уголовную политику (в контексте российской), Д. А. Шестаков пишет: «На деле сегодняшняя политика ответа на преступность в России, поддерживая баланс между внутренним и внешним общественным мнением, преследует цели: 1) поддержания минимального порядка на обыденном уровне преступности и 2) сбережения от ответственности воровогачей («олигархов»), с которыми власть связана общими интересами» [3, с. 9]. Оказывается, что характер уголовной политики в России (и не только в России) определяется общими интересами власти не с народом (гражданами), а общими интересами власти с воровогачами («олигархами»). Именно это обстоятельство становится основной причиной обострения общественно-политических противоречий, своего рода испытанием для внутригосударственных систем правопорядка. При отсутствии универсальных способов преодоления подобных противоречий, а зачастую их сознательной консервацией, нежеланием власти меняться в интересах управляемых (большинства граждан), вследствие чего неизбежно нарастают криминальные угрозы протестного характера и сопутствующие им риски социальной розни и деструктивных процессов в государстве. На межгосударственном уровне этим непременно пытаются воспользоваться другие государства (если хотим по Шестакову – глобально-американизирования «олигархическая» власть» – сокращенно ГОВ [5, с. 12–22]) в целях подрыва суверенной независимости государств с низким обостренно-кризисным доверием граждан к собственной власти.

Несомненно, что современная уголовная политика правообразования и применения уголовного закона на внутригосударственном

уровне в значительной степени определяется элитарными интересами власти и обслуживающими власть бизнес элитами. В такой ситуации по образному выражению Густава Радбруха, «...само существование правопорядка важнее, чем его справедливость и целесообразность. Это вторая великая задача права, первая же равным образом всеми одобренная – правовая стабильность, безопасность, то есть порядок и мир» [6, с. 87]. По его мнению, «Несовершенство человека не позволяет гармонично объединить в законе все три ценности права – общую пользу, правовую стабильность и справедливость, и остается лишь выбирать между тем, соглашаться ли во имя правовой стабильности на действие плохого, вредного или несправедливого закона, или отказать ему в действии, учитывая его несправедливость и вред, наносимый всему обществу» [6, с. 196].

Право пока недостаточно интегрировано в формирование и деятельность власти, а отсюда и в правоохранительную, правообеспечительную и судебную деятельность [7, с. 5–18; 8, с. 19–24]. Давно доказано и не только классиками марксизма и ленинизма, что психологическая мотивация на совершение деструктивных форм поведения производна от иррациональных обременений власти. То есть вина и субъективное вменение в ответственность совершенного преступления и в конечном итоге сама мера уголовной ответственности, возлагаемая на виновного, должны быть основаны на взаимной вине, а не сводиться только к психическому отношению лица к содеянному преступлению. Вина должна сопровождаться и пониматься в контексте субъективного вменения как оценочно распределяющая ответственность общества и ответственность виновного психологическая субстанция. Глубоко прав И. Я. Козаченко, изрекая по-настоящему фундаментальное заключение относительно вины как субъективного основания уголовной ответственности: «Прежде, чем устанавливать уголовную ответственность за то или иное опасное деяние, общество и государство должны отдавать себе отчет в том, в какой мере они сами виновны в создании и поддержании таких условий жизни, которые разрушают материальную и нравственную основу равенства людей, и провоцируют их на совершение недозволенного» [9, с. 6–7].

Более очевидным становится наличие разноуровневого, обусловленного рядом системно взаимосвязанных социальных и сугубо личностных факторов мотивационного фона, толкающего человека на преступное поведение. Среди этих факторов, которые исходят от государства, именуемого правовым многими Конституциями, следует указать на экономические, организационно-управленческие, социально-

распределительные, служебно-властные и, собственно, нормативные *иррациональные обременения человека в его стремлении к политико-правовой свободе, социальному равенству и социальной справедливости*. Касаясь работы судебной системы, А. Г. Лукашенко при открытии нового здания Верховного Суда обратил внимание, что основной критерий, которым руководствуются люди при оценке работы судов, – социальная справедливость. Она является не только залогом доверия населения к судам и правосудию, но и важнейшей составляющей идеологии белорусского государства. Поэтому главное в работе судов должно быть справедливое отношение к людям. «Запрос на эту справедливость сегодня колоссальный, не только в славянских государствах – во всем мире». ... «Граждане должны быть уверены, что в суде найдут защиту своих прав и законных интересов. Это значит, их проблему услышат, вникнут в жизненную ситуацию, примут аргументированное и взвешенное решение», – сказал Президент [10]. Это обязывает усовершенствовать правоприменительную практику и алгоритм субъективного вменения практикой определения степени вины лица в совершении правонарушающего деяния, имея в виду, что вначале появляется закон с его справедливыми и несправедливыми запретами и ограничениями и только потом формируется мотивация и намерение нарушить предписания закона. И в этом противоречивом дискурсе уголовный закон должен обеспечивать распределение вины и ответственности в соответствии с социальной справедливостью, учитывая ее двойственную (дуалистическую) природу [11, с. 176–181].

Между тем, состояние большинства классических институтов уголовного права, призванных обеспечивать правовые начала в системе охранительных отношений, в последнее время незаметно, а иногда даже под флагом либерализации уголовной ответственности, перестраивается вопреки объективно и социально заданным функциям уголовного права и его возможностям в противодействии преступности. Законодательно-инновационных зигзагов на этом правовом поле предостаточно. Проявляется это, *прежде всего*, в принижении роли тех *элементов права* в уголовном праве, которые призваны формировать ограничительные правовые механизмы злоупотребления репрессивными началами уголовного права в поддержании социального правопорядка, не допускать его использование для поражения политико-правовой свободы, а признание вины в нарушении уголовно-правового запрета в качестве достаточного субъективного основания уголовной ответственности без личностной психологической легитимации нарушения запрета в качестве общественно опасного и наказуемого деяния. Следует учитывать, что легитимация уголовного закона, представляю-

щая собой не более как психологическое признание обычными людьми институтов и норм правовой реальности, относящихся к признанию того, что позитивное (объективное) законодательство относит к преступлению под угрозой применения наказания. Благодаря этому обеспечивается разумный предел действия права в формировании в обществе достойного и принимаемого большинством правопорядка, имманентно обеспечивается высокий уровень личностной ответственности, ориентированной на соблюдение правопорядка. как следствие социально-эффективное применение уголовного закона, когда преступление и наказание объективно и субъективно по вине и, согласно вине, наделяется признаками разумности и онтологической безопасности [12, с. 8–10].

Конечно, вопрос о легитимации уголовного закона в силу заявленной его охранительной функции осложняется далеко непростым и однозначным социальным опытом публично-принудительного утверждения того, что должно быть преступлением и наказанием за него. Как справедливо замечает А. Э. Жалинский, уголовный закон легитимирует необходимое для общества насилие, а суть легитимности уголовного права состоит в уяснении вопроса о том, кто и за что, и на каком основании вправе подвергать граждан наказанию [13, с. 21]. Этот вопрос был и остается главным и сегодня, а может быть сегодня, как никогда ранее. Двадцатилетний период действия Уголовного кодекса Республики Беларусь, который по целому ряду базовых позиций был ориентирован на легитимацию позитивных начал в уголовной политике (принцип исключительной общественной опасности деяний, признаваемых преступными, наличие системы альтернативных наказанию мер уголовной ответственности, применяемых в режиме probation), тем не менее, не стал существенным прорывом в их реализации. По образному выражению А. В. Наумова, уголовный закон был превращен «в инструмент для решения любых, по его мнению, значимых политических и социально-экономических задач». «Более того, – отмечает далее автор, – высказу на этот счет определенную парадоксальную и даже «крамольную» (для уголовно-правовой отрасли) мысль. Основная беда применения уголовного права в уголовном правосудии заключается вовсе не в недостатках уголовного законодательства, а в нашей сложившейся уже в постсоветское время судебной системе. И именно ее реформирование, а также уголовно-процессуального законодательства (в части преодоления при этом присущего ему обвинительного уклона) во сто раз важнее изменения законодательства уголовного» [14, с. 41–42].

Поэтому сегодня задача состоит в том, чтобы ограничить объективное уголовное право (уголовный закон), его существование и исполь-

зование в защите социального правопорядка собственно правом – не более как рациональной необходимостью и социальной справедливостью, а субъективное вменение выстраивать и определять на общечеловеческих началах понимания общественной опасности преступления и необходимого для виновного в преступлении наказания.

При оценке общественной опасности *деяния* на предмет отнесения его к преступлению в социальной практике нормотворчества уголовного закона и его применении правовые системы все более фокусируются на непонятные элитарные интересы, а не на сохранение безопасного существования человека и человечества. В законотворчестве и правоприменении предается забвению истинное социальное предназначение уголовного права как вынужденной и исключительно императивно-принудительной правовой защиты человека и человеческого достоинства от общественно опасного произвола субъектов социальной деятельности.

Нельзя не обратить внимание и на то, что государство, традиционно воспринимаемое как гарант безопасности, сегодня само находится под угрозой необходимости трансформации его форм и функций, что не может не влиять на эффективность общественно значимой функции уголовного права как всеобщей социокультурной ценности и безопасного обеспечения человеческого прогресса.

В строго научном и социально ответственном контексте необходимо инструментально-правовое обновление содержания уголовного права на стандартах гуманистического подхода, который предполагает, во-первых, постоянное и социально контролируемое поддержание состояния исключительности функции преступления и применения уголовной ответственности и, во-вторых, создание криминологических программ контроля и определения эффективности действия уголовной юстиции в общественных интересах.

Наблюдая кипучую деятельность уголовного законодателя в последние десятилетия, Н. В. Щедрин обращает внимание, что в ней преобладают новации, большинство из которых – это реакции на сиюминутные колебания властных настроений и популизм чистейшей воды. Свое вдохновение уголовный законодатель главным образом черпает из прошлого, а не конструирует, всматриваясь в будущее. «Да, собственно, и событийное настоящее интерпретируется законодателем избирательно. Приглядевшись повнимательнее, можно обнаружить: а) стремление решить любые (экономические, гендерно-демографические, нравственные и пр.) проблемы уголовно-правовыми средствами; б) приоритетную защиту имущих» [4, с. 410]. Это неизбежно ведет к ограничению правового поля формирования

и поддержания на безопасном уровне социальной ответственности граждан как на институциональном уровне свободы человека, так и на личностном уровне ее реализации, с одной стороны, а, с другой стороны, провоцирует практику объективного вменения ввиду расширяющегося поля совершения деяний протестно-правонарушающего характера.

Деструктивные процессы наблюдаются и в собственно правовой сфере, и способы их преодоления, по мнению некоторых теоретиков права, следует искать не в повышении роли закона, а в интегративном поиске права в нормах закона, чем собственно должно заниматься правосудие [7, с. 6–7]. Однако, к сожалению, правосудие еще далеко и не всегда ориентируется на поиск интегративного права при разрешении социальных конфликтов и споров. Хотя требования равенства, свободы, справедливости и прописаны в нормах законов, заложены в принципах, которые сочетаются с требованиями законности, разумности, личной и общей пользы, но они лишены коммуникативной активности. В итоге мы получаем упрощенный формально-логический догматизм закона, но не права в системах правового регулирования и правоприменения. Ситуация конфликтности в обществе не просто сохраняется, а динамично обостряется.

Совершенно очевидно, что без сохранения и контролируемого обеспечения в уголовном праве базовых свойств права при монопольном праве государства на криминализацию и формирование санкционных механизмов воздействия на преступность и преступников *социальный контроль преступности* становится небезопасным для человека, общества и самого государства вследствие его безграничной хаотичности, неопределенности и возможностей для злоупотреблений. Чтобы сохранить мир и спокойствие в современных обществах и обеспечивать человеческий прогресс, необходим ответственный социально-правовой контроль. И не только со стороны институтов публичной власти в отношении гражданского общества (граждан), но и в отношении институтов публичной власти. И не только в контексте предупреждения социально опасного поведения, но и в оценке того, что опасно для социальной системы, и какая санкция и мера защиты должна быть предпринята для этого (сохранения общественного спокойствия).

При всем многообразии подходов и теоретических взглядов на преступность ее исходные причины остаются неизменными. Они коренятся в объективных и субъективных противоречиях социальной жизни людей, с одной стороны, и в неспособности или нежелании публичной власти, с другой стороны, *посредством правового регулирования и пра-*

вового принуждения совместить экономический прогресс, частную собственность и частную инициативу с социальной ответственностью и защищенностью людей на основе консолидированной социальной справедливости и равенства. Вот в этих моментах сегодня вся современная систематика проблемного поля диалектики применения уголовного закона и реализации виновной ответственности.

В контексте обостряющей напряженности в системе социальной ответственности и виновности в преступлении актуально значатся вопросы пересмотра баланса публичных и частных интересов по всем объектам и направлениям правового регулирования, доверия граждан к действиям государства, стабильность гражданского оборота и социально-экономических прав и свобод человека, пределы ограничения права собственности и иных прав человека. Конкретно в уголовном праве симптомы этих проблемных полей заключены в несбалансированной с фундаментальными интересами человека криминализации, коммерциализации публичных видов правовой ответственности, абсолютизации и злоупотреблении уголовно-правовыми средствами защиты систем национальной безопасности, наличии дуализма в системе публичных правонарушений и ответственности.

Очень важно сегодня в формировании позитивного уголовного права иметь в виду, что «вмешательством» в право посредством введения уголовного запрета под угрозой уголовной ответственности и наказания должно устанавливаться «справедливое равновесие» между потребностями общества или общим интересом и требованиями защиты фундаментальных прав индивидуального лица. Необходимо стремиться к разумному соотношению пропорциональности между применяемыми государством уголовно-правовыми средствами для обеспечения социальной безопасности и поддержания ее стабильности и целью преследуемой применяемой меры, которая лишает человека определенных прав. Уголовное право, как и всякое право, должно соотноситься со справедливостью и равенством, иначе оно утрачивает свое естественно-правовое предназначение, а принцип личной и виновной ответственности превращается в манипулятивную девиацию в системе деятельности уголовной юстиции.

Не надо задаваться риторическим вопросом, есть ли сегодня настоятельная потребность в философском переосмыслении функциональных возможностей и содержательных положений уголовного права. Обращение к философии права – это всего лишь и не более как возрождение философского знания в качестве материальной и методологической основы для необходимой переоценки и изменения содержательной и функциональной направленности уголовного права

в противодействии преступности. Этим мы не отвергаем юридический позитивизм в уголовном праве и уголовной ответственности (наличие законных объективных и субъективных оснований в преступлении и наказании), а всего лишь обращаем внимание на его ограниченность и недостаточность, поскольку он определяет истинность уголовного права с позиции силы права (права принуждения), с позиции *догмы нормы закона* в ущерб реальному праву. И тем самым вольно или не вольно исключает личный и общий интерес человека в системе регулятивного и охранительно-правового функционирования вопреки заявленной свободы воли. Нет ничего опасного в том, что философия уголовного права предлагает ради сохранения уголовного права сместить крен его познания и применения с позиции преступления как *деяния* на интересы человека как *деятеля* преступления. Такая модель понимания уголовного права и его применения будет приемлема и понятна не только для государства и его институтов, но и для человека, и человеческого сообщества. Самое главное она будет более эффективной.

Вот этот существенный момент в трансформации понимания и восприятия права мы уже упустили, и скажем прямо, не без участия законодателя и правоприменителя. Сегодня право объективируется и воспринимается только в реальном действии, в реальном его использовании в соответствии с его правовым содержанием, а не в застывших нормативах законоположений, которые не востребованы, не применяются вообще либо применяются избирательно. При этом надо учитывать, что резервы повышения эффективности правового регулирования путем введения запретов, обременений, усиления ответственности без должного развития правовых средств, стимулирующих формирование *позитивного личностного состояния людей* (их свободы, равенства, справедливости) как на социальном, так и на институционально-правовом (ретроспективном) уровнях ответственности, ограничены, в том числе позитивной и автономной функциональностью свободы воли и виновной ответственности.

Список цитированных источников

1. Зибер, У. Границы уголовного права / У. Зибер; пер. с нем. Д. А. Шестакова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2009. – № 1 (16). – С. 15–78.
2. Харламов, В. С. Институт охранного ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности в зарубежном законодательстве / В. С. Харламов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 1 (32). – С. 34–40.
3. Шестаков, Д. А. Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики / Д. А. Шестаков. – СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2019. – 206 с.
4. Щедрин, Н. В. Футурологические аспекты уголовного права / Н. В. Щедрин // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практ.

конф., Саратов, 30 сент. – 1 окт. 2019 г.) / под ред. Н. А. Лопашенко; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – С. 409–413.

5. Шестаков, Д. А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности / Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 2 (25). – С. 12–22.

6. Радбрух, Г. Философия права / Г. Радбрух. – М.: Изд-во «Международные отношения», 2004. – 240 с.

7. Лазарев, В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда / В. В. Лазарев // Журн. рос. права. – 2017. – № 7. – С. 5–18.

8. Графский, В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции / В. Г. Графский // Журн. рос. права. – 2017. – № 7. – С. 19–24.

9. Козаченко, И. Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности: Основной доклад XIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Ковалева, Екатеринбург, 16–17 февр. 2017 г.). – Екатеринбург: Изд. дом Уральского гос. юридич. ун-та, 2017. – 15 с.

10. Лукашенко: основной критерий оценки судов – социальная справедливость // Беларусь сегодня. – 2019. – 5 апреля.

11. Прудникова, Л. Б. Социальная справедливость и право в единстве и антогонизме / Л. Б. Прудникова, И. В. Бушуев, Е. Н. Полунина // Философия права. – 2019. – № 2. – С. 176–181.

12. Легитимность права: коллективная моногр. / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб.: Алетей, 2019. – 496 с.

13. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 400 с.

14. Наумов, А. В. О «ключевых» аспектах реформы УК РФ / А. В. Наумов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 23–24 янв. 2020 г. / Моск. гос. юридич. академия – М.: РГ-Пресс, 2020. – С. 41–44.

УДК 343.985

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОРИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Шабанов Вячеслав Борисович

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030 Минск, Республика Беларусь, lawcrim@bsu.by*

Красиков Владимир Сергеевич

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики, юридический факультет,*